

Агрессия сквозь призму социального остракизма

Бойкина Е.Э.,

аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
katarinatapfer@gmail.com

Социальный остракизм распространен повсеместно: начиная от исключения на игровой площадке в детском саду до психологической травли в школе, отвержения в романтических отношениях среди подростков или увольнения с работы в уже взрослом возрасте. Согласно модели К.Д. Вильямса, остракизм (игнорирование и/или исключение) нарушает фундаментальные потребности человека в принадлежности, контроле, осмысленном существовании, самоуважении, причиняет «социальную боль». Исследования остракизма за последние 30 лет зафиксировали прочную взаимосвязь остракизма с агрессивной ответной реакцией, однако и сам социальный остракизм может в пунитивных целях принимать форму агрессии. Приведены литературный обзор исследований в области агрессивного реагирования на остракизм и детальная схема исследования остракизма (как карающего элемента) среди одаренных детей. Статья может быть интересна психологам и педагогам, работающим с проявлениями агрессии, социального исключения.

Ключевые слова: социальный остракизм, игнорирование, исключение, отвержение, агрессия, одаренные дети, социальная боль.

Для цитаты:

Бойкина Е.Э. Агрессия сквозь призму социального остракизма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 60—67. doi: 10.17759/jmfp.2019080307

For citation:

Bojkina E.E. Aggression through the prism of social ostracism [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 60—67. doi: 10.17759/jmfp.2019080307 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Н. Айзенбергер и М. Либерман определяют «социальную боль» как «травмирующее состояние вследствие восприятия реальной или потенциальной психологической дистанции с близкими людьми или социальной группой» [11, с. 112].

По мнению одного из исследователей феномена социального остракизма К.Д. Вильямса, потенциальной причиной возникновения «социальной боли» становятся бойкотирование в узком кругу близких людей, увольнение с работы, исключение из социального взаимодействия, игнорирование и иные виды активного или пассивного отвержения, независимо от того, с какими намерениями они предпринимаются [30].

В данной статье мы будем называть феномен остракизма [29] *социальным остракизмом*, выделяя таким образом его как термин психологии и отличая от изначально исторического понятия «остракизм», вошедшего в обиход в 506–505 гг. до н.э. в Древней Греции с принятием Закона об остракизме.

Физическая боль может проявляться как соматически, так и висцерально, но, вне зависимости от типа ее проявления, она связана с активацией определенного участка головного мозга (Стиго и др., 2003, Данкли и др., 2005). Тот же участок головного мозга активизируется и в процессе появления «социальной боли»: социальное исключение (т. е. «остракизм»), скорбь, негативное социальное сравнение и несправедливое обра-

щение — каждое из вышеназванного вызывает изменения в активности центрального серого вещества, таламуса и дорсальной передней поясной коры» (Айзенбергер и др., 2004, Такахашаи и др., 2009) [14, с. 234]. Иными словами, «социальная боль» — это боль не гипотетическая, а реальная.

Современные исследователи [12; 13; 15; 19; 22] приходят к совместному выводу о том, что социальный остракизм — это мощный, причиняющий боль психологический феномен, который может подтолкнуть человека к неоправданно радикальным реакциям, в том числе к проявлению агрессии разного рода: физической, вербальной, замещенной, обращенной на себя.

Взаимосвязь в диаде «социальный остракизм — агрессия» активно изучается в психологии на протяжении последних двух десятилетий. При этом исследования в основном ведутся в направлении изучения остракизма как фактора, опосредующего ряд *реакций*, в том числе и агрессию [15; 21; 22; 31].

Мы, однако, в данной статье хотим обратить внимание на то, что ряд исследователей рассматривают взаимосвязь этих двух психологических феноменов под иным углом зрения: социальный остракизм как *инструмент* агрессии.

Таким образом, диада «социальный остракизм — агрессия» имеет амбивалентный характер, вследствие чего восприятие этих двух феноменов в узких рамках взаимоотношений «стимул—реакция» будет не совсем корректно.

В этой связи мы приведем здесь обзор ряда работ, исследующих агрессию как реакцию на социальный остракизм и агрессию в форме остракизма.

Социальный остракизм как триггер агрессии

Агрессии как способу реагирования на ситуацию социального исключения и/или игнорирования (остракизма) посвящено большое количество лабораторных экспериментов, которые подтверждают наличие прочной связи между ними (ссылки и краткое описание их мы находим в литературном обзоре Д. Рена, Э. Вессельманна и К.Д. Вильямса) [22].

В ряде исследований экспериментально доказано, что подвергнутые остракизму люди становятся агрессивными не только по отношению к источнику остракизма, но также и к сторонним наблюдателям и даже к совершенно непричастным людям [21; 29]. Так, например, исключенные участники эксперимента (по сравнению с включенными) дают более негативную оценку кандидатам на работу [15], более громкие сигналы белого шума своим партнерам по взаимодействию [13], выбирают наиболее неподходящие угощения для своих партнеров [10], добавляют больше специй в пищу тем, кто не любит острое [26].

Помимо лабораторных экспериментов, наличие связи между социальным остракизмом и агрессией поддерживают и данные корреляционных исследований, согласно которым социальный остракизм, наряду с другими факторами, может стать причиной массового насилия (например, в прецедентах «школьной стрельбы») [29, с. 427; 20].

Анализируя причины агрессивных реакций на социальный остракизм, Д. Рен, Э. Вессельманн и К.Д. Вильямс задаются вполне логичным вопросом: почему индивид отвечает агрессивно, повышая своей реакцией вероятность дальнейшего остракизма в ответ на свое антисоциальное поведение, т. е. включая своего рода цепную реакцию агрессии [22]?

Согласно исследованию Б. Бушмана, Р. Баумайстера и К. Филлипса, одной из причин может стать тот факт, что остракизм, подобно пчеле, «жалит» (об активации определенных зон головного мозга сказано выше) и, по мнению остракированного индивида, реагирование в агрессивном ключе принесет ему облегчение, приведет к разрядке [6].

Подтверждение данной гипотезе мы находим в исследовании Д. Честера и К. Де Волл, в котором было установлено, что, испытав на себе ситуацию остракизма, участники эксперимента выбирали агрессивную реакцию в том случае, если ожидали, что их агрессия улучшит их неприятное эмоциональное состояние [8].

Немаловажным при принятии решения об агрессивном реагировании является факт приписывания причины остракизма: игнорируют индивида намеренно или нечаянно. Так, К. Де Волл с коллегами исследовали роль приписываемой враждебности при агрессив-

ном реагировании на остракизм. Данное исследование показало, что, «по сравнению с включенными участниками, исключенные индивиды приписывали социальному окружению большую враждебность, что, в свою очередь, опосредовало выбор агрессивного способа реагирования» [22, с. 35].

Парадоксальным образом агрессивная реакция на остракизм может проистекать из первоначально просоциального пути реагирования на социальный остракизм, а именно из просоциальных попыток быть принятым обществом.

В ряде исследований приводятся данные, свидетельствующие о том, что остракированные индивиды, изначально нуждающиеся в принятии и мотивированные на принятие, подвержены социальному влиянию. Такие люди с большей вероятностью выполняют просьбу [7] и подчинятся авторитетному лицу [18].

По мнению Х. Кнептон, Э. Вессельманна и К.Д. Вильямса [16; 27] подобная податливость делает остракированного индивида легкой мишенью для вербовщиков террористических и экстремистских организаций, религиозных культов.

В качестве одного из способов, тормозящих агрессивное реагирование на ситуацию социального остракизма, ученые К. Пун и Ф. Тенг считают приверженность к соблюдению правил. Их исследование эмпирически подтвердило первоначально заявленные гипотезы о том, что: а) остракируемые индивиды будут более агрессивны, чем неостракируемые, поскольку они слабее чувствуют привязанность к соблюдению правил; б) остракируемые индивиды, которым напоминают о важности соблюдения правил, не будут вести себя более агрессивно [20].

В научной среде распространено предположение, что некоторые индивиды более других склонны реагировать на остракизм в агрессивном ключе [5; 9; 22]. По оценке Д. Рена, Э. Вессельманна и К.Д. Вильямса, научные исследования индивидуальных особенностей, влияющих на склонность к более агрессивному реагированию на ситуацию исключения или игнорирования, ведутся в двух основных направлениях [22, с. 36].

В рамках первого направления ученые исследуют прежде всего те характеристики личности, которые *делают индивида более восприимчивым* к воздействию (боли) социального остракизма. Например, нарциссические личности, характеризующиеся «осознанием собственной грандиозности и хрупкой самооценкой», как правило, особенно остро реагируют на остракизм [22, с. 36]. Д. Честер и К. Де Волл обнаружили, что участники эксперимента, набравшие больше баллов по шкале нарциссизма (в сравнении с теми, кто набрал минимальные баллы) проявляли более агрессивную реакцию на остракизм, причем не только по отношению к субъекту (источнику) социального остракизма, но также в отношении третьей (непричастной) стороны [9]. Подобным образом реагировали и испытуемые в другом эксперименте, проводимом с индивидами, обладающими высокой чувствительностью к отвержению [5].

Второе направление составляют, по мнению ученых, личные характеристики, которые *предрасполагают* людей к агрессивным реакциям. В ряде исследований теоретической основой данного направления стала теория А. Фракжека о трех паттернах «готовности к агрессии» (RA — readiness for aggression), а именно: эмоционально-импульсивной готовности (E-IR — Emotional-Impulsive Readiness), хабитуально-когнитивной готовности (H-CR — Habitual-Cognitive Readiness) и персонально-имманентной готовности (P-IR — Personal-Immanent Readiness) [12].

А. Фракжек раскрывает содержание этих паттернов следующим образом: «... эмоционально-импульсивная готовность (E-IR) относится к предрасположенности индивида реагировать гневом на провокацию или фрустрацию и связана с низким эмоциональным контролем. ... В данном случае агрессивная реакция является проявлением негативного эмоционального статуса; она импульсивна и ограничена во времени. ... Хабитуально-когнитивная готовность (H-CR) описывает паттерны привычек, жизненных сценариев и убеждений, относящихся к агрессивному поведению. Данный класс “готовности к агрессии” относится к инструментальной агрессии; когнитивная схема агрессии может быть активирована провокацией, агрессивное поведение является привычным, и обычно индивид одобряет агрессию, полагая, что в определенных ситуациях стоит вести себя агрессивно. ... Третий тип “готовности к агрессии”, персонально-имманентная готовность (P-IR), отражает мотивационные факторы, связанные с агрессией. P-IR определяется как устойчивое желание наносить вред другим с целью получения наслаждения и удовольствия. В теоретических терминах P-IR ассоциируется с проактивными, ориентированными на потребности и спонтанными формами агрессии, которые могут проявляться как при наличии, так и в отсутствии провокации» [21, с. 418, 419].

Результаты исследования Й. Райхерт и ее коллег, основанного на теории А. Фракжека, подтвердили первоначальные предположения о том, что остракизм усиливает агрессивное поведение по большей части среди индивидов с высоким показателем E-IR, т. е. среди тех, «... у кого наблюдается более устойчивая тенденция воспринимать происходящее с гневом и имеющих более низкий уровень контроля над эмоциями» [21, с. 422].

Социальный остракизм как инструмент агрессии

Рассматривая социальный остракизм как инструмент реализации агрессии, прежде всего, стоит обратиться к типологии видов остракизма.

К.Д. Вильямс выделил пять основных типов социального остракизма: псевдо-остракизм, ролевой, ненамеренный, защитный и карающий (пунитивный) [19, с. 433].

В случае защитного и карающего остракизма мы с уверенностью можем говорить об их агрессивной кон-

нотации. Так, карающий остракизм применяется субъектом остракизма для наказания или демонстрации неодобрения поведения, внешности, привычек и т. д. иного индивида или группы. Защитный остракизм, вне зависимости от причин, предполагает игнорирование и/или исключение объекта в целях самозащиты (например, для того, чтобы показать референтной группе свою лояльность и самому не стать мишенью остракизма).

Разумно предположить, что карающий остракизм обладает большим агрессивным потенциалом, в то время как защитный остракизм может и не принять форму агрессии, а быть реализован в форме «ухода от ситуации».

Бесспорно, одной из самых ярких и демонстративных форм проявления социального остракизма в формате проявления агрессии является буллинг [5; 9].

Отдавая дань научной дискуссии о том, является ли буллинг остракизмом или остракизм входит в понятие буллинга, мы все же придерживаемся мнения, что остракизм является более широким понятием, а буллинг, несмотря на его «организованную» внутреннюю структуру и демонстративность, отвечает основным критериям понятия «социальный остракизм» — игнорирование и исключение. Однако, в отличие от демонстративного характера проявления буллинга, остракизм как таковой (например, псевдо-остракизм или ролевой остракизм) по большей части «... не имеет выраженных внешних сигналов, что, если мы говорим о детях, осложняет учителям и другим взрослым процесс его идентификации и предотвращения» [17, с. 19].

В качестве примера исследования остракизма как инструмента агрессии можно привести работу У. Огурлу по изучению остракизма среди одаренных детей в Турции [17].

Этот ученый поднял актуальную для современного образования тему социального исключения одаренных детей. Предваряя исследование теоретическим обзором научных источников по исследуемой тематике, он приводит ряд фактов, демонстрирующих актуальность исследуемой им проблемы.

Так, Дж. Петерсон и К. Рей (2006) в выборке из 432 одаренных детей (8-й класс) обнаружили, что 67% из них становились объектами навешивания обидных прозвищ по большей части из-за их внешности и одаренности. Почти половина из них (46%) в 6-м классе испытали на себе один из 13 видов буллинга (их дразнили, давали прозвища, угрожали, сбрасывали книги на пол, толкали, пихали, били). Процентное соотношение жертв среди мальчиков возрастало в течение 7-го и 8-го классов, а среди девочек рост виктимизации не зафиксирован.

Сверстники, как пишет в теоретическом обзоре У. Огурлу, изолируют одаренных детей из социального взаимодействия по причине одаренности, стигматизирующей их как «ботаников» (Swaietek, Dorr, 1998; Vanderbrook, 2006). Зачастую одаренные подростки сами считают, что они иные и отличаются от неодаренных сверстников (Ринн, 2006, Свайтек, Дорр, 1998).

Точно так же оценивают их самих и другие (Гросс, 1998, Ринн, 2006).

Некоторые исследователи эмпирически доказали факт значительной изоляции одаренных подростков (Кассади, Кросс, 2006; Гросс, 1998). Вместе с тем на выборке, состоящей из 1016 учеников, было обнаружено, что отличники находятся в группе высоко риска быть социально исключенными своими сверстниками (Вудс, Вольке, 2016).

Психологическая возбудимость (Пичовски, Каннингэм, 1985), психологическая андрогинность (Херберт, 2002), проблемы с обращением за помощью (Петерсон, 2002), асинхронность развития (Сильверманн, 2002) — все это имеет непосредственное отношение к уязвимому восприятию остракизма одаренными детьми. Кроме того, одаренные ученики зачастую испытывают опасения, что их интеллектуальный уровень — это риск социального отвержения (Гросс, 1998; Робинсон, 2008) [см. обзор: 17, с. 19, 20].

Заслуживают внимания результаты исследования остракизма среди одаренных детей, проведенного У. Огурлу (2015). Как и в нашей стране, в Турции не так много исследований, фокусирующихся на вопросе распространенности социального остракизма среди детей, в том числе и одаренных. В данном сегменте активно исследуется лишь тема буллинга [1; 2; 3].

Полагаем, что в этой связи турецкий опыт исследования остракизма среди одаренных школьников может стать полезным для понимания механизмов данного феномена в детско-подростковой среде и стать отправной точкой для изучения остракизма в среде российских школьников. Поэтому рассмотрим его детально.

Целью исследования было изучение различий по половому признаку и в зависимости от года обучения (класса в школе) в ситуации остракизма среди одаренных детей, учеников с 5-го по 8-й классы. В Турции 12-летнее общее образование. В школу ребенок идет после того, как ему исполнится 70 месяцев. Соответственно, возраст учеников с 5-го по 8-й классы составляет с 10—11 до 13—14 лет.

Автор задается вопросом, остракируются ли одаренные ученики по-разному в зависимости от их пола и года обучения. Помимо этого изучалась связь между опытом переживания остракизма и интеллектуальным уровнем ребенка (как соотносится степень остракирования ребенка и его интеллектуальный уровень).

Выборку (на добровольной основе и с условием получения от родителей информированного согласия) составили 94 одаренных ученика, занимающихся в центре дополнительного образования для детей «Эндерун» (Enderun Talanted Children Center) в г. Стамбуле (Турция). Средний уровень IQ участников — 128,5. Состав по полу: девочек — 46,8%, мальчиков — 53,2%. Соотношение по году обучения: 5-й класс — 15%(16%), 6-й класс — 31%(33%), 7-й класс — 25%(26%), 8-й класс — 23%(24,5%).

Методы исследования. Для измерения восприятия остракизма применялась Шкала восприятия остракиз-

ма для подростков — OES-A (The Ostracism Experience Scale for Adolescents) [21], для оценки уровня интеллекта — Шкала интеллекта Векслера для тестирования детей и подростков (от 6 до 16 лет) — WISC-R (The Wechsler Intelligence Scale for Children — Revised Form), для получения информации о поле и классе — форма с личными данными. Для непараметрического анализа и определения различий в соответствии с полом и годом обучения (классом школы) были применены: U-критерий Манна—Уитни и H-критерий Краскела—Уоллиса.

Шкала восприятия остракизма (подростки) OES-A состоит из 11 пунктов и представляет из себя самоотчет, составленный с целью фиксации восприятия индивидом социального остракизма. В первоначальном варианте шкала OES-A состояла из 19 пунктов, но после валидизации [27] в финальном варианте остались 11 пунктов. OES-A в оригинале состоит из двух субшкал: «Игнорирование» (5 пунктов) и «Исключение» (6 пунктов). Ответы заполняются по пятибальной ранжированной шкале: «никогда», «редко», «иногда», «часто», «всегда».

Далее, шкала интеллекта Векслера (дети), WISC-R, разработанная Дэвидом Векслером в 1949 г., состоит из двух субшкал: вербальной и невербальной (действия).

По данным дискриптивной статистики шкал OES-A и WISC-R показатели участников по субшкале «Исключение» ($M=14,29$; $SD=6,31$) были выше, чем у участников по субшкале «Игнорирование» ($M=7,62$; $SD=3,65$). Средний балл интеллекта школьников (WISC-R) составил 128,56 ($SD C=6,48$).

Для того, чтобы определить, есть ли взаимосвязь между данными по субшкалам «Игнорирование» и «Исключение» (остракизм) и гендерной принадлежностью, был применен U-критерий Манна—Уитни. В исследовании У. Огурлу статистически значимой разницы между полом одаренного ребенка по критериям «Всего» (остракизм), «Игнорирование» и «Исключение» не зафиксировано (по всем пунктам $p>,05$). Однако показатели игнорирования и исключения у мальчиков оказались выше, чем у девочек, хотя, в конечном итоге, эти различия статистически значимыми не были.

Для оценки уровня остракирования одаренных детей в зависимости от года обучения У. Огурлу применил H-критерий Краскелла—Уоллиса. В результате значительной разницы по показателям «Всего» и «Игнорирование» вне зависимости от года обучения ($p>,05$) выявлено не было, однако была обнаружена статистически значимая разницу между классами обучения по субшкале «Исключение» ($\chi^2(3) = 8,19$; $p<,005$). Таким образом, результаты применения теста Манна—Уитни обнаружили статистически значимую разницу у детей в 6-м и в 8-м классах: уровень воспринимаемого остракизма по субшкале «Исключение» в 8-м классе значительно выше, чем в 6-м и 7-м классах.

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между уровнем интеллекта и уровнем остракизма

У. Огурлу применил к уже полученным статистическим данным корреляционный анализ: высокие интеллектуальные параметры по шкале WISC-R показали значительную степень корреляций только с переменными «Всего» (остракизм) и «Исключение» ($p < 0,5$).

Выводы. Исследование остракизма среди одаренных детей 5—8-го классов У. Огурлу не выявило значимых различий по гендерному признаку, хотя показатели у мальчиков были незначительно выше. Следующим результатом исследования стало обнаружение значимой разницы по субшкале «Исключение» в приложении к критерию «год обучения» (класс): в 8-м классе показатель субшкалы «Исключение» выше, чем в 6-м и 7-м классах. Некоторые ученые предполагают, что с возрастом явления остракизма нарастают (Бьерквист, Остерман, Каукианен, 1992). Кроме этого, У. Огурлу изначально предполагал наличие положительной корреляции между показателями интеллекта и остракизма: чем выше интеллект, тем выше остракизм. Н. Робинсон констатировал, что асинхрония между высоким интеллектуальными и когнитивными способностями одаренного ребенка и психосоциальным развитием может быть усугублена степенью его одаренности [19]. Асинхрония может привести к усилению остракизма одаренных детей с очень высокими показателями интеллекта. Помимо этого некоторые исследования (Гросс, 2004, Робинсон, 2008) подтвердили предположения о том, что у высокоодаренных детей часто возникают трудности в обретении друзей. Было также обнаружено, что ученики средней степени одаренности более популярны, более социально активны и получали более высокую социальную оценку, чем высокоодаренные дети (Добер, Бенбоу, 1990) [17, с. 25]. Эти данные также подтверждают выводы исследования У. Огурлу в отношении наличия положительной корреляции между остракизмом и уровнем интеллекта.

Результаты исследования У. Огурлу дают нам эмпирически подкрепленные данные, свидетельствующие о том, что ученики высокой степени одаренности нахо-

дятся в зоне риска подверженности остракизму, который зачастую принимает агрессивные формы, причем этот процесс усиливается при переходе в старшие классы. Знание данной динамики может помочь учителям и экспертам вовремя принимать превентивные меры по недопущению агрессивных и иных форм остракизма среди детей.

Заключение

Остракизм — сильный психологический феномен. Согласно К.Д. Вильямсу, в ситуации социального остракизма у индивида могут быть нарушены одна или несколько фундаментальных потребностей: в принадлежности, контроле, осмысленном существовании и самоуважении [29]. В контексте ситуации социального остракизма, нарушение потребности в самоуважении стоит скорее понимать как снижение уровня самооценки остракируемого индивида (прим. автора). Игнорирование и исключение — постоянный спутник человека: согласно исследованиям К.Д. Вильямса, Л. Вилера и др., человек подвергается остракизму до 25000 раз за жизнь, т. е. почти ежедневно [28].

Как было описано выше, социальный остракизм и агрессия тесно связаны друг с другом: карающий остракизм может стать ярким проявлением агрессии и, в то же время, даже незначительная ситуация остракизма, как, скажем, ненамеренный или псевдо-остракизм, могут привести индивида к радикальным агрессивным реакциям.

Понимание механизмов реакций на ситуацию социального остракизма во всем его многообразии, изучение мотивационных детерминант субъекта остракизма, копинг-реакций разных категорий людей, полагаем, внесет свой вклад в изучение феномена социального остракизма как такового и положит начало развитию российской методологической базы исследования этого мощного и универсального феномена социальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Школьная травля и позиция учителей [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 103—116. URL: http://psyjournals.ru/files/74946/spio_1_2015_bochaver.pdf (дата обращения: 12.09.2019).
2. Воликова С.В., Калинин Е.А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 138—161. doi:10.17759/cpp.2015230409
3. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции жертвы буллинга на агрессивное поведение // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 2. С. 246—256. doi:10.17759/psyedu.2014060221
4. Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Ениколопов С.Н. Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 4. С. 102—116. doi:10.17759/psyedu.2016080411
5. Ayduk O., Gyurak A., Luerssen A. Individual differences in the rejection—aggression link in the hot sauce paradigm: the case of rejection sensitivity // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Vol. 44. № 3. P. 775—782. doi:10.1016/j.jesp.2007.07.004
6. Bushman B.J., Baumeister R.F., Phillips C.M. Do people aggress to improve their mood? Catharsis beliefs, affect regulation opportunity, and aggressive responding // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. № 1. P. 17—32. doi:10.1037/0022-3514.81.1.17

7. *Carter-Sowell A.R., Chen Z., Williams K.D.* Ostracism increases social susceptibility // *Social Influence*. 2008. Vol. 3. № 3. P. 143—153. doi:10.1080/15534510802204868
8. *Chester D.S., DeWall C.N.* Combating the sting of rejection with the pleasure of revenge: a new look at how emotion shapes aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. Vol. 112. № 3. P. 413—430. doi:10.1037/pspi0000080
9. *Chester D.S., DeWall C.N.* Sound the alarm: the effect of narcissism on retaliatory aggression is moderated by dACC reactivity to rejection // *Journal of Personality*. 2015. Vol. 84. № 3. P. 361—368. doi:10.1111/jopy.12164
10. *Chow R.M., Tiedens L.Z., Govan C.L.* Excluded emotions: the role of anger in antisocial responses to ostracism // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. № 3. P. 896—903. doi:10.1016/j.jesp.2007.09.004
11. *Eisenberger N.I., Lieberman M.D.* Why it hurts to be left out: the neurocognitive overlap between physical and social pain // *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying* / Eds. K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel. NY: Psychology Press. 2005. P. 109—127.
12. *Frączek A., Konopka K., Dominiak-Kochanek M.* Patterns of readiness for interpersonal aggression: cross-national study on sex difference [Электронный ресурс] / Eds. H. Liberska, M. Farnicka // *Aggression as a challenge: Theory and Research: Current Problems*. Berlin: Peter Lang Publishing, 2016. P. 33—50. URL: https://www.researchgate.net/publication/306120091_Patterns_of_readiness_for_interpersonal_aggression_A_cross-national_study_on_sex_difference (дата обращения: 23.04.2018).
13. *Gaertner L., Iuzzini J., O'Mara E.M.* When rejection by one fosters aggression against many: multiple-victim aggression as a consequence of social rejection and perceived groupness // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. № 4. P. 958—970. doi:10.1016/j.jesp.2008.02.004.
14. *Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T.* Responses to ostracism across adulthood // *SCAN*. 2010. Vol. 6. № 2. P. 234—243. doi:10.1093/scan/nsq045
15. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior / J.M. Twenge [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81. № 6. P. 1058—1069. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1058
16. *Knapton H.M.* The recruitment and radicalisation of western citizens: does ostracism have a role in homegrown terrorism? // *Journal of European Psychology Students*. 2014. Vol. 5. № 1. P. 38—48. doi:10.5334/jeps.bo
17. *Ogurlu U.* Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // *Educational process: International journal*. 2015. Vol. 4. № 1—2. P. 18—30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
18. Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience / P. Riva [et al.] // *The Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 154. № 3. P. 208—216. doi:10.1080/00224545.2014.883354
19. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize / J.B. Nezlek [et al.] // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155. № 5. P. 432—451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
20. *Poon K.T., Teng F.* Feeling unrestricted by rules: Ostracism promotes aggressive responses // *Aggressive Behavior*. 2017. Vol. 43. № 6. P. 558—567. doi:10.1002/ab.21714
21. *Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R.* It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression // *Current Psychology*. 2017. Vol. 36. № 3. P. 417—427. doi:10.1007/s12144-016-9430-6
22. *Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D.* Hurt people hurt people: ostracism and aggression // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 34—38 doi:10.1016/j.copsyc.2017.03.026
23. *Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H.* Bullying, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics in the development of school shootings-review // *International Journal of Developmental Science*. 2014. Vol. 8. № 1—2. P. 3—24. doi:10.3233/DEV-140129
24. The social and emotional development of gifted children: What do we know? / M. Neihart [et al.]. Washington, DC: The National Association for Gifted Children, 2002. P. 11—24.
25. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents / R. Gilman [et al.] // *Psychological Assessment*. 2013. Vol. 25. № 2. P. 319—330. doi:10.1037/a0030913
26. *Warburton W.A., Williams K.D., Cairns D.R.* When ostracism leads to aggression: the moderating effects of control deprivation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2006. Vol. 42. № 2. P. 213—220. doi:10.1016/j.jesp.2005.03.005
27. *Wesselmann E.D., Williams K.D.* The potential balm of religion and spirituality for recovering from ostracism // *Journal of Management, Spirituality, and Religion*. 2010. Vol. 7. № 1. P. 29—45. doi:10.1080/14766080903497623
28. *Williams K.D., Wheeler L., Harvey J.* Inside the social mind of the ostracizer / Eds. J. Forgas, K. Williams, & L. Wheeler // *The social mind: Cognitive and motivational aspects of interpersonal behaviour*. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 294—320.
29. *Williams K.D.* Ostracism // *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425—452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. *Williams K.D.* Ostracism: a temporal need-threat model // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 279—314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. *Wölfer R., Scheithauer H.* Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion // *Journal Social Influence*. 2013. Vol. 8. № 4. P. 217—236. doi:10.1080/15534510.2012.706233

Aggression through the prism of social ostracism

Bojkina E.E.,

Post Graduate Student, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic psychology,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
katarinatapfer@gmail.com

Social ostracism is ubiquitous, ranging from exclusion on the playground in kindergarten to bullying in school, romantic rejection among adolescents, or workplace expulsion in adulthood. According to K.D. Williams' model, ostracism (ignoring and/or excluding) threatens fundamental human needs (belonging, control, meaningful existence, self-esteem), causes «social pain». Studies of ostracism over the past 30 years have established a strong relationship between ostracism and aggressive responses, but social ostracism itself can take the form of aggression for punitive purposes. In the article, we give a review of research in the field of aggressive response to ostracism and a detailed scheme of studying ostracism (as a punishing element) among gifted children. The article may be useful to psychologists and teachers working with phenomenon of aggression, social exclusion.

Keywords: social ostracism, ignoring, exclusion, rejection, aggression, gifted children, social pain.

REFERENCES

1. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. Shkol'naya travlya i pozitsiya uchitelei [Elektronnyi resurs] [School Bullying and Teachers' Attitudes]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvom [Social Psychology and Society]*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 103—116. URL: http://psyjournals.ru/files/74946/spio_1_2015_bochaver.pdf (Accessed 12.09.2019) (In Russ.; Abstr. in Engl.).
2. Volikova S.V., Kalinkina E.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor shkol'nogo bullinga [Parent-child relationships as a factor of school bullying]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2015, vol. 23, no. 4, pp. 138—161. doi:10.17759/cpp.2015230409. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
3. Guseinova E.A., Enikolopov S.N. Vliyanie pozitsii zhertvy bullinga na agressivnoe povedenie [Influence of the Bullying Victim Position on Aggressive Behavior] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 246—256. doi:10.17759/psyedu.2014060221 (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Tarasova S.Yu., Osnitskii A.K., Enikolopov S.N. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty bullinga: vzaimosvyaz' agressivnosti i shkol'noi trevozhnosti [Social-psychological Aspects of Bullying: Interconnection of Aggressiveness and School Anxiety]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2016, vol. 8, no. 4, pp. 102—116. doi:10.17759/psyedu.2016080411. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
5. Ayduk O., Gyurak A., Luerssen A. Individual differences in the rejection—aggression link in the hot sauce paradigm: the case of rejection sensitivity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2008, vol. 44, no. 3, pp. 775—782. doi:10.1016/j.jesp.2007.07.004
6. Bushman B.J., Baumeister R.F., Phillips C.M. Do people aggress to improve their mood? Catharsis beliefs, affect regulation opportunity, and aggressive responding. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, no. 1, pp. 17—32. doi:10.1037/0022-3514.81.1.17
7. Carter-Sowell A.R., Chen Z., Williams K.D. Ostracism increases social susceptibility. *Social Influence*, 2008, vol. 3, pp. 143—153. doi:10.1080/15534510802204868
8. Chester D.S., DeWall C.N. Combating the sting of rejection with the pleasure of revenge: a new look at how emotion shapes aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2017, vol. 112, no. 3, pp. 413—430. doi:10.1037/pspi0000080
9. Chester D.S., DeWall C.N. Sound the alarm: the effect of narcissism on retaliatory aggression is moderated by dACC reactivity to rejection. *Journal of Personality*, 2015, vol. 84, no. 3, pp. 361—368. doi:10.1111/jopy.12164
10. Chow R.M., Tiedens L.Z., Govan C.L. Excluded emotions: the role of anger in antisocial responses to ostracism. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2008, vol. 44, no. 3 pp. 896—903. doi:10.1016/j.jesp.2007.09.004
11. Eisenberger N.I., Lieberman M.D. Why it hurts to be left out: the neurocognitive overlap between physical and social pain. In Williams K.D., Forgas J.P., von Hippel W. (eds.). *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying*. NY: Psychology Press, 2005, pp. 109—127.
12. Frączek A., Konopka K., Dominiak-Kochanek M. Patterns of readiness for interpersonal aggression: cross-national study on sex difference [Elektronnyi resurs]. In Liberska H., Farnicka M. (eds.). *Aggression as a challenge: Theory and Research: Current Problems*. Berlin: Peter Lang Publishing, 2016, pp. 33—50. URL: https://www.researchgate.net/publication/306120091_Patterns_of_readiness_for_interpersonal_aggression_A_cross-national_study_on_sex_difference (Accessed 23.04.2018).
13. Gaertner L., Iuzzini J., O'Mara E.M. When rejection by one fosters aggression against many: multiple-victim aggression as a consequence of social rejection and perceived groupness. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2008, vol. 44, no. 4, pp. 958—970. doi:10.1016/j.jesp.2008.02.004

14. Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T. Responses to ostracism across adulthood. *SCAN*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 234—243. doi:10.1093/scan/nsq045
15. Twenge J.M. et al. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, no. 6, pp. 1058—1069. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1058
16. Knapton H.M. The recruitment and radicalisation of western citizens: does ostracism have a role in homegrown terrorism? *Journal of European Psychology Students*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 38—48. doi:10.5334/jeps.bo
17. Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey. *Educational process: International journal*, 2015, vol. 4, no. 1—2, pp. 18—30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
18. Riva P. et al. Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience. *The Journal of Social Psychology*, 2014, vol. 154, no. 3, pp. 208—216. doi:10.1080/00224545.2014.883354
19. Nezelek J.B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, no. 5, pp. 432—451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
20. Poon K.T., Teng F. Feeling unrestricted by rules: Ostracism promotes aggressive responses. *Aggressive behavior*, 2017, vol. 43, no. 6, pp. 558—567. doi:10.1002/ab.21714
21. Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression. *Current Psychology*, 2017, vol. 36, no. 3, pp. 417—427. doi:10.1007/s12144-016-9430-6
22. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression. *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 19, pp. 34—38 doi:10.1016/j.copsyc.2017.03.026
23. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bullying, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics in the development of school shootings-review. *International Journal of Developmental Science*, 2014, vol. 8, no. 1—2, pp. 3—24. doi:10.3233/DEV-140129
24. Neihart M. et al. The social and emotional development of gifted children: What do we know? Washington, DC: The National Association for Gifted Children, 2002, pp. 11—24.
25. Gilman R. et al. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents. *Psychological Assessment*, 2013, vol. 25, no. 2, pp. 319—330. doi:10.1037/a0030913
26. Warburton W.A., Williams K.D., Cairns D.R. When ostracism leads to aggression: the moderating effects of control deprivation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2006, vol. 42, no. 2, pp. 213—220. doi:10.1016/j.jesp.2005.03.005
27. Wesselmann E.D., Williams K.D. The potential balm of religion and spirituality for recovering from ostracism. *Journal of Management, Spirituality, and Religion*, 2010, vol. 7, no. 1, pp. 29—45. doi:10.1080/14766080903497623
28. Williams K. D., Wheeler L., Harvey J. Inside the social mind of the ostracizer. In: Forgas J., Williams K., Wheeler L. (eds.). *The social mind: Cognitive and motivational aspects of interpersonal behaviour*. New York: Cambridge University Press, 2001, pp. 294—320.
29. Williams K.D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*, 2007, vol. 58, pp. 425—452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model. In Zanna M. (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009, vol. 41, pp. 279—314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. *Journal Social Influence*, 2013, vol. 8, no. 4, pp. 217—236. doi:10.1080/15534510.2012.706233